

Происхождение государства: формирование метатеории

Аннотация. В статье проанализированы основные классические теории происхождения государства: теологическая, патриархальная, органическая, психологическая, общественного договора, внутреннего и внешнего насилия, классовая. Предпринята попытка выделения научно достоверного и мифологического элементов в каждой из них; описаны предполагаемые причины возникновения указанного мифологического элемента. На основе полученных результатов произведена классификация теорий происхождения государства, в свою очередь, ставшая базисом для системной интеграции верифицируемых научных фактов о процессе государствообразования с целью формирования первичной теоретической основы особой метатеории политогенеза. Таким образом, концепция метатеории выступает в качестве альтернативы несистематизированной интеграции государственно-правовых доктрин происхождения государства, позволяя исследователю встать на путь их методологической и структурной консолидации. Описаны основные свойства метатеории политогенеза как метода: универсальность, системность и динамичность. В статье также приведен вариант интерпретации указанной метатеории.

Ключевые слова: происхождение государства; теории происхождения государства; классификация теорий происхождения государства; интеграция теорий происхождения государства; социогенез; политогенез; государствообразование; метатеория; метатеория политогенеза.

Для цитирования: Макаров Г. Г. Происхождение государства: формирование метатеории // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 7. — С. 30–51. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.030-051.

The Origin of the State: The Formation of the Metatheory

German G. Makarov, Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russian Federation
mackarow.german2013@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes the main classical theories of the origin of the State: theological, patriarchal, organic, psychological, social contract, internal and external violence, class theories. The author makes an attempt to identify doctrinally reliable and mythological elements in each theory and describes the alleged causes of the occurrence of this mythological element. Based on the results obtained, the author elucidates the classification of theories of the origin of the State that, in turn, became the basis for the systematic integration of verified scientific facts about the process of state formation in order to form the primary theoretical basis of a special metatheory of politogenesis. Thus, the concept of metatheory acts as an alternative to the unsystematic integration of the state and law doctrines of the origin of the state, allowing the researcher to embark on the path of their methodological

© Макаров Г. Г., 2024

* *Макаров Герман Глебович*, студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
mackarow.german2013@yandex.ru

and structural consolidation. The main properties of the metatheory of politogenesis as a method are described, namely: universality, consistency and dynamism. The paper also provides an interpretation of this meta-theory.

Keywords: origin of the State; theories of the origin of the State; classification of theories of the origin of the State; integration of theories of the origin of the State; sociogenesis; politogenesis; State formation; metatheory; metatheory of politogenesis.

Cite as: Makarov GG. The Origin of the State: The Formation of the Metatheory. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(7):30-51. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.164.7.030-051.

Введение

Ключом к пониманию природы государства как политического и правового явления является исторический и теоретический анализ путей первичного возникновения государственности. Платон, Дж. Локк, Ф. Энгельс полагали, что без ответа на вопрос «как появилось государство?» нельзя представить себе ответа на вопросы «что есть государство?», «что есть право?», и тем более «на что я имею право в государстве». Ограничиваясь рассмотрением государства как сиюминутного, униполярного и вырванного из исторического контекста явления, мы изучаем историческую цепь по отдельно взятому звену, шахматную партию по отделенному от нее эндшпилю. Такой метод анализа, даже если историческое развитие государства каким-либо образом подразумевается, ведет к неточности и концептуальной недостаточности исследования. Современное общество давно переросло возраст гегелевского «младенца»¹; современность более напоминает «подростка», обладающего как новыми возможностями, так и новыми искушениями и тревогами. С одной стороны, в общественно-политической жизни с невероятной скоростью происходят различные изменения, с другой стороны, развиваются технологии, о

которых, как принято говорить, не могли помыслить самые смелые фантасты прошлых лет; в то же время информационное пространство всё более и более наполняется неточной, противоречивой информацией.

Что имеет современная теория государства в своем распоряжении для разрешения старой проблемы происхождения государственности? С некоторой долей огрубления можно сказать, что, к сожалению, в распоряжении исследователя-теоретика XXI столетия находится лишь небольшое количество различных теорий, представленных разбросанными во времени и пространстве диаметрально противоположными течениями. Способны ли эти теории, эти *dissecta membra poetae*, к универсальному осмыслению процесса зарождения такого многогранного и сложного явления, как государство, тем более что понимание государства в них различно?² Вопрос следует поставить даже более радикально: может ли современная наука государства и права, накопив богатый материал за всю историю своего плодотворного развития, вступить в новый период поиска ответов в столь давней и сложной сфере?

Для ответа необходимо прежде всего последовательно изучить опыт науки по вопросу происхождения государства как политического

¹ «...Наше время есть время рождения и перехода к новому периоду. Дух порвал с прежним миром своего наличного бытия и своего представления, он готов погрузить его в прошлое и трудится над своим преобразованием. Но как у младенца при рождении после длительного спокойного питания первый глоток воздуха обрывает прежнюю постепенность лишь количественного роста, — совершается качественный скачок, — и ребенок появился на свет, так образующийся дух медленно и спокойно созревает для новой формы, разрушает одну частицу здания своего прежнего мира за другой... Легкомыслие, как и скука, распространяющиеся в существующем, неопределенное предчувствие чего-то неведомого — всё это предвестники того, что приближается нечто иное...» См.: Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа : пер. с нем. М. : АСТ, 2021. С. 13.

² С этим связаны некоторые особенности изложения настоящего исследования.

явления — рассмотреть в сравнительном плане классические теории генезиса государства, выявить их ключевые противоречия. Лишь «преклонившись перед всем, что создала мудрость, и перед самими создателями», можно будет приступить к поиску новых ответов³.

1. Обзор классических теорий происхождения государства

1.1. Теологическая теория

Теологическую теорию происхождения государства можно назвать древнейшей, поскольку представление о сверхъестественной силе, положившей начало миру и государству, существует с незапамятных времен. Несколько тысячелетий назад данное представление о происхождении государства существовало в основном как легенды и мифы. Форму научной концепции оно приобрело значительно позже, с развитием схоластики (во многом благодаря трудам философа и богослова Фомы Аквинского), в связи с чем вполне уместно разделение «теологической теории» на две принципиально разные составляющие: мифологическую теорию и собственно теологическую теорию происхождения государства⁴.

Эти два элемента, в свою очередь, делятся на бесчисленное множество отдельных мифологических и религиозных версий происхождения государства; тем не менее все эти версии обладают несколькими родственными чертами. Предполагается, во-первых, что государственная власть была установлена по воле высшей силы и, во-вторых, что государственная власть является в некоторой степени властью этой выс-

шей силы. В какой мере и для достижения каких целей высшая сила создает государственную власть и взаимодействует с ней — зависит от содержания конкретной мифологической концепции или религии.

Мифологическим представлениям более свойственно прямое указание на высшую силу как непосредственный источник государства и власти (правящей династии), в то время как собственно теологические теории подходят к вопросу на качественно ином уровне. Часто они вовсе отходят от рассмотрения причинно-следственной связи и акцентируют внимание на предназначении и божественном смысле государства и государственной власти. Этот пример в целом является иллюстрацией отличия мифологического сознания от религиозного и его следует рассмотреть подробнее.

Современные собственно теологические теории в большинстве своем не претендуют на описание исторического процесса возникновения первичного государства; придавая политическому, государственному бытию человека смысл и указывая обществу нравственную цель, они тем не менее суть *res sacrosanctae, extra commercium hominum*. Именно поэтому строгая научная методология вряд ли подходит для рассмотрения собственно теологических теорий: они находятся вне рационального поля зрения.

Можно привести следующий пример: в православии считается, что государственная власть дана человеку по воле бога и некоторым образом выражает его намерения; тем не менее историческое осмысление пути возникновения государства никогда не отрицалось, поскольку свобода воли человека, в том числе и государя, подразумевает его ответственность за свои по-

³ «Да, я преклоняюсь перед всем, что создала мудрость, и перед самими создателями; мне отраднее видеть в ней наследие многих, накопленное и добытое их трудом для меня. Но будем и мы поступать, как честные отцы семейства: умножим полученное, чтобы это наследье обогащенным перешло от меня к потомкам...». См.: *Сенека Луций Анней* Нравственные письма к Луцилию : пер. с лат. М. : АСТ, 2018. С. 187.

⁴ Такого рода разделением ни в коем случае нельзя пренебрегать, как нельзя пренебрегать разделением курицы от яйца. «Как популярное, так и научное сознание довольно слабо разграничивает эти понятия и часто совершенно без оговорок употребляет одно вместо другого. Тут залегает, однако, существенное различие...» См.: *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М. : Мысль, 2001. С. 118.

ступки. В связи с этим, к слову, представляются несостоятельными распространенные обвинения в «оправдании деспотизма» некоторыми собственно теологическими теориями. Теологические теории, в особенности в современном мире, несомненно, суть более мировоззренческие концепции, чем научные; соответственно, они не могут конфликтовать с наукой и вступать с ней в какие бы то ни было противоречия, но могут вполне свободно, более того — конструктивно, сосуществовать с ней.

1.2. Патриархальная теория

В современной научной литературе ярко выражена тенденция причислять к сторонникам патриархальной теории всех мыслителей, которые каким-либо образом сопоставляли государство и семью, в связи с чем возникает необходимость рассмотреть данную концепцию подробнее, чтобы попытаться устранить возникающие неточности⁵.

В первую очередь, соглашаясь с профессором С. И. Нагих, мы различаем «уподобление и происхождение», отделяя от патриархальной теории те учения, которые содержат в себе простую аналогию государства и семьи (Конфуций и др.)⁶. Оставшиеся патриархальные теории, судя по наиболее распространенному пониманию, вероятно, должны полностью обосновывать процесс появления государства «разрастанием семьи». Ожидаемого единства, однако, не наблюдается. Аристотель понимает «развитие семьи» (и общества в целом) совершенно своеобразно. Зачастую упоминаемый как представитель патриархальной теории Р. Филмер скорее является представителем теологической тео-

рии происхождения государства, которую он попытался (с помощью чрезмерно буквального толкования некоторых положений Священного Писания) ввести в научный оборот. Семья и «естественная власть отца» в его труде, по нашему мнению, занимают второстепенное положение по сравнению с самим фактом появления «монархической власти Адама»⁷. Мнение, что государство есть «разросшаяся семья», можно встретить лишь у немногих исследователей, например у часто упоминаемых в научной и учебной литературе Борнгака и Вольмана, однако данное мнение во многих случаях признается частью семейной, а не патриархальной теории происхождения государства.

Множественность противоречий наводит на мысль, что понятиям «патриархальная теория» и «семейная теория» в настоящее время придается совершенно различный смысл; они зачастую смешиваются, и, следовательно, их содержание нуждается в переклассификации, которую было бы уместно провести, руководствуясь соображениями практической полезности. Несомненно, все вышеперечисленные варианты патриархальной теории содержат некоторую долю истины: несмотря на все фактические ошибки рассматриваемых мнений, на ранних этапах развития общества отношения института семьи, скорее всего, действительно внесли существенный вклад в формирование протогосударственных и протоправовых структур. Тем не менее с точки зрения современной науки вышеперечисленные теории всё же предполагают слишком узкий подход к многогранной проблеме политогенеза; они не в состоянии охватить все его тонкости⁸. Соответственно, для

⁵ Как верно заметил профессор С. И. Нагих, исследовавший вопрос классификации теорий происхождения государства и права, «...формирование групп теорий осуществляется не только на основе выбора удобных признаков, но зачастую на критериях, имеющих лишь внешнее сходство и не выдерживающих требования единства систематизации...». См.: *Нагих С. И. О классификации теорий происхождения государства и права // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2016. № 9. С. 68–72.*

⁶ *Нагих С. И. О классификации теорий происхождения государства и права. С. 69.*

⁷ Дж. Локк, к слову, опровергая доказательства Р. Филмера, только подтверждает нашу гипотезу о том, что собственно теологическая теория не имеет никакого желания «вступать в диспут» с наукой, оставляя тем самым «кесарю кесарево». См.: *Локк Дж. Два трактата о правлении. М.: Социум, 2019. С. 9–146.*

⁸ *Кашанина Т. В. Происхождение государства и права: учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. С. 49–51.*

того чтобы подробнее рассмотреть «долю истины» и затем включить ее в научное понимание государствообразования, по нашему мнению, достаточным представляется деление множества мнений, относимых к патриархальной или семейной теории, на две простые группы: а) теории разрастания семьи и б) теории семейных отношений. Вторая группа предполагает не простое разрастание семьи, но перенос, копирование семейно-властных отношений на зарождающиеся государственно-властные. Следует отметить, что простое описание государства как семьи также позволяет сделать интересные наблюдения: если органическая теория отождествляет государство с единичным живым существом, то семейный метод описания отождествляет государство с группой таких существ, т.е. с семьей; последний некоторым образом смещен в своем видении государства «на порядок».

1.3. Органическая теория

Органическая теория происхождения государства — одна из самых оригинальных, интересных и перспективных, но в то же время и одна из самых мифологизированных концепций политогенеза. Зародышем органической теории можно назвать высказывания античных философов о сходстве государства и живого существа, семьи. Концепция развивалась постепенно, став научной концепцией лишь в XIX в., вероятно под влиянием общей тенденции того времени — интеграции получившего небывалое развитие естествознания в иные науки. Рождение органической теории как научной концепции произошло с опубликованием работ Г. Спенсера, Р. Вормса и других известных ученых.

Сущность этой теории заключается в отождествлении государства и живого организма; развитие государства-организма происходит эволюционным путем, от простого к сложному⁹. В первую очередь необходимо указать, что Г. Спенсер делает невероятный шаг вперед, возводя системность в ранг всеобщего и универсального закона¹⁰. Множество индивидов — это и есть государство; диалектический закон перехода количественных изменений в качественные находит в рассматриваемой концепции свое непосредственное выражение. Из сущности органической теории следует, что люди, являясь «клетками» общественного организма, напрямую связаны с государством в целом, т.е. особенности их жизнедеятельности и разумного поведения непосредственно проецируются на общество и государство. Это прекрасно описал профессор В. Н. Жуков: «Нация есть единый биологический организм, “сверхиндивидуальное целое”, развивающееся по законам отдельного человека. Если индивид, подчиняясь инстинктам продолжения рода, создает семью и накапливает ценности для своего потомства, то и нация поступает таким же образом...»¹¹.

Принимая во внимание положительные моменты, следует тем не менее помнить, что органическая теория представляет собой лишь точное описание имманентного принципа системности в отношении человека, общества и государства. Будучи в состоянии объяснить, каким образом человек в ходе общественного развития переходит в качественно новое политико-правовое состояние, она сама по себе не способна предоставить никаких инструментов для анализа этого перехода и его стадий; пря-

⁹ Очень интересна в этом отношении мысль Т. Гоббса (впрочем, очень прогрессивная для своего века): «Ибо искусством создан тот великий Левиафан, который называется Республикой, или Государством (Commonwealth, or State), по-латыни — Civitas, и который является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан. В этом Левиафане верховная власть, дающая жизнь и движение всему телу, есть искусственная душа...». См.: Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. С. 8.

¹⁰ Кашанина Т. В. Указ. соч. С. 65–68.

¹¹ Жуков В. Н. Общество как источник государства и права // Право и государство: теория и практика. 2019. № 10. С. 33.

Данная цитата крайне интересна в сравнении с мнением Г. Лебона: «Можно сравнивать расу с соединением клеток, образующим живое существо. Эти миллиарды клеток имеют очень непродолжитель-

мое же наложение научного аппарата естествознания (весьма распространенная практика) на системную форму существования человечества есть не что иное, как *contradictio in adjecto*, т.е. обыкновенный научный миф, что хорошо описано метким замечанием В. А. Вострокнутова: «...связь государства с организмом базируется не на сущностной, а на функциональной и структурной аналогии. В строгом смысле даже не на аналогии, а на уподоблении, так как аналогию между государством и организмом можно провести с тем же основанием, что и аналогию между компьютером и муравейником...»¹². Любая попытка изучить государство и политогенетические процессы инструментами, например, антропологии равносильна попытке полноценно изучить биогеоценоз с помощью всего лишь ботанического справочника. Государство не есть «большой человек», точно так же как лес не есть «большое дерево», а арфа не есть «большая струна». Думается, нелишним в связи с вышеизложенным будет указание и на свойственную человеку черту сравнивать любую более или менее структурированную систему с живым организмом (процессор — «мозг компьютера», директор — «глава организации», леса — «легкие планеты», или даже «невидимая рука рынка»). Трудно вспомнить авторов, которые хотя бы однократно не применяли такого сравнения по отношению к государству. Однако мы выяснили, что прямое отождествление, лишенное «системной» сущности, не имеет под собой никаких реальных оснований. Органическая

теория, не имея структурированного аппарата исследования, заполнила свои промежутки научными мифами с целью встать в стройные ряды теорий происхождения государства¹³.

1.4. Психологическая теория

Психологическая теория также наиболее активно развивалась в середине XIX в., во многом благодаря трудам Л. Петражицкого, Г. Тарда, Д. Фрэзера и других ученых. Сущность данной теории можно выразить в следующем положении: государство формируется и функционирует в соответствии с процессами, происходящими в психике людей; именно душа человека является движущей силой политогенеза. Нетрудно заметить, что психологическую теорию можно свободно воспринимать как часть органической, поскольку именно психическая активность индивида, по устоявшемуся в рассматриваемой теории мнению, выступает двигателем развития социального организма, его *physis*¹⁴. Если продолжить данное рассуждение, можно также заметить, что эта движущая сила присуща всем без исключения теориям политогенеза; без сил из области предмета социальной психологии развитие государства в принципе невозможно, человеческая душа для государства — это *conditio sine qua non*. Психическая энергия сталкивается с различными материальными преградами, и в этой последовательности противоречий обретает свою жизненную форму, отдельные грани которой и отражены теориями происхождения государства. «Судьба человека

ное существование, между тем как продолжительность существования образованного их соединением существа относительно очень долгая; клеточки, следовательно, одновременно имеют жизнь личную и жизнь коллективную, жизнь существа, для которого они служат веществом...». См.: Лебон Г. Психология народов и масс : пер. с фр. М. : АСТ, 2016. С. 18.

¹² См.: Вострокнутов В. А. О мифологическом элементе концепций происхождения государства и права // Право и образование. 2014. № 7. С. 167–172.

¹³ Хочется отметить, что, на наш взгляд, по причине стремительного развития многих научных дисциплин существует вероятность последующего научного перерождения органической теории (в том числе ее мифологической составляющей) на более высоком уровне в виде концепции с принципиально иным, инновационным фундаментом.

¹⁴ Е. Н. Трубецкой писал: «Между частями биологического организма существует связь физическая; напротив того, что между людьми — частями социального организма — связь психическая...». При должном внимании очевидно, что психологическая сила наблюдается также в патриархальных теориях как сила властных отношений семьи. См.: Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 217.

определяется тем, что происходит в его голове, когда он вступает в противоречие с внешним миром», — писал психиатр Эрик Берн¹⁵. Отложив вышеизложенное для дальнейшего рассмотрения, приступим к раскрытию мифологической составляющей психологической теории как таковой¹⁶.

Как для описания физических свойств двойной звезды недостаточно описания лишь одной звезды, входящей в систему, так для описания исторических свойств государства недостаточно описания лишь одной силы психической энергии. Движущая общество вперед энергия души не существует сама по себе, но пребывает в противоречиях с бесчисленным множеством других факторов, во взаимодействии с реальностью в виде материи и ее энергетических систем. Психологическая теория рассматривает отдельно стремления, желания, чувства человека, допуская ошибку абсолютизации по отношению к психологическому фактору, т.е. пренебрегая всеми остальными, материальными факторами. По меткому выражению профессора Т. В. Кашаниной, «пытаясь противостоять экономическому детерминизму, психологическая теория впадает в другую крайность. Воспринимать психологические особенности людей отдельно от всей окружающей действительности ошибочно...»¹⁷. Г. В. Ф. Гегель писал: «Душа без тела не была бы чем-то живым, и точно так же и наоборот»¹⁸.

Далее, важным представляется тот факт, что при рассмотрении процесса государствообразования с исключительно психологической точки зрения недостаточно простого указания на абстрактные свойства человеческой души; воз-

никает необходимость дальнейшей конкретизации этих свойств. Попытка такой конкретизации зачастую упирается, по точному замечанию В. Н. Вострокнутова, в «мифологизированность и умозрительность самой психологической науки»¹⁹. Это означает, что исключительно психологический подход к государствообразованию на данный момент затруднителен.

Таким образом, психологическая теория происхождения государства отчасти верна, но она лишается объективности вследствие абсолютизации психологического фактора, который сам по себе требует уточнения в соответствии с современным научным знанием.

1.5. Теория общественного договора

Преамбулой теории общественного договора стали высказывания древнегреческих мыслителей, в том числе Эпикура; некоторые исследователи также указывают на влияние идей Платона. В качестве научной концепции учение о договоре начало развиваться в более позднее время, во многом благодаря трудам Дж. Локка, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, А. Н. Радищева и других известных исследователей. В научном сообществе рассматриваемая теория всегда интерпретировалась по-разному, тем не менее можно выделить следующие общие черты, присущие всем вариациям договорной теории:

1. Существовал догосударственный период «естественного состояния» (в целом, за некоторыми исключениями, его считали несовершенным).

2. Возникает необходимость заключения общественного договора («...чтобы составить один народ, одно политическое тело под вла-

¹⁵ Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры : пер. с англ. М. : Эксмо, 2008. С. 186. В английском оригинале высказывание звучит категоричнее: «The destiny of every human being is decided by what goes on inside his skull when he is confronted with what goes on outside his skull» (буквально: «Судьба каждого человеческого существа определяется тем, что происходит внутри его черепа, когда человек вступает в противоречие с тем, что происходит вне его черепа»). См.: *Berne E. What Do You Say After You Say Hello : Gain control of your conversations and relationships*. L. : Transworld, 2010. P. 51.

¹⁶ Вострокнутов В. А. Указ. соч.

¹⁷ Кашанина Т. В. Указ. соч. С. 74–77.

¹⁸ Гегель Г. В. Ф. Философия права : пер. с нем. / ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсисянц ; авт. вступ. ст. и прим. В. С. Нерсисянц. М. : Мысль, 1990. С. 67.

¹⁹ Вострокнутов В. А. Указ. соч. С. 168.

стью одного верховного правительства...», как писал Дж. Локк²⁰).

3. Следовательно, отношения народа и власти — это отношения сторон общественного договора.

Очевидна некоторая связь договорной теории с психологической, поскольку негласный договор — выражение свободной воли членов общества. Неудивительно в связи с этим, что договорную теорию зачастую пытались интегрировать и с органической (например, у Ж.-Ж. Руссо встречается «моральный и коллективный организм»). Поскольку договорная теория соответствует принципу системности, она содержит в себе долю истины. Об этом пишет профессор В. Н. Жуков: «...за теорией договорного государства стояла жизненная правда: твердость власти, твердость договора определялась твердостью воли народа, что Западная Европа, как правило, демонстрировала. Закон и правопорядок становились ценностью, поскольку такова была воля общества...»²¹.

Тем не менее совершенно очевидно, что сама по себе договорная теория неприменима для полноценного описания процесса происхождения первичного государства. В. А. Вострокнутов описывает это одним метким замечанием: «По сути, мы имеем дело с тем, что миф о договоре ставится на службу научным концепциям с полным сознанием того, что это миф...»²². «Негласный договор», даже в логическом, умо-зрительном смысле (Ш. Боржо), вряд ли мог стать первичной основой появления государства: такого рода концепции слишком далеки от исторической действительности. Более того, теория общественного договора в принципе так или иначе отвергает постепенное развитие общества.

С позиций современности представляется ясным, что всякому сложному взаимодействи-

ю людей в обществе должно предшествовать достижение определенного уровня развития общественных отношений. Еще Я. М. Магазинер писал: «...договор не только фактически не был, но и логически не мог служить причиной возникновения государства... взаимное положение граждан в государстве не может стать понятным из предположения “молчаливого договора” между ними, так как идея договора и обязательной его силы есть продукт продолжительного исторического развития...»²³. Трудно представить, что общество в «естественном состоянии» настолько однородно, чтобы большинство его членов признало «негласный договор». Совершенно иная ситуация возникает, что интересно, если «договор» является письменным и представляет собой источник права; в таком случае его необходимо рассматривать совершенно с иной точки зрения, он представляет собой особое и крайне интересное явление. Тем не менее в «традиционном» понимании «полагать общество договорным, то есть юридическим, объединением — нелепая попытка поместить телегу впереди лошади»²⁴.

Достаточно очевидным представляется, что «общественный договор» — сознательно созданный с определенными научными целями научный миф *per excellentiam*. Привлечение договорного отношения, так же как и отношений частной собственности вообще, в государственное отношение привело, по словам Г. В. Ф. Гегеля, к величайшей путанице в государственном праве и действительности²⁵.

1.6. Теории насилия

Соглашаясь с позицией исследователей, считающих, что «теория внутреннего (Е. Дюринг) и внешнего (Л. Гумплович, К. Каутский) насилия — это совершенно разные теории», разделим их²⁶.

²⁰ Локк Дж. Указ. соч. С. 308.

²¹ Жуков В. Н. Указ. соч. С. 34.

²² Вострокнутов В. А. Указ. соч. С. 168.

²³ Магазинер Я. М. Избранные труды по общей теории права. СПб. : Юридический центр, 2006. С. 47.

²⁴ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс : пер. с исп. М. : АСТ, 2016. С. 161.

²⁵ Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч. С. 129.

²⁶ Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник для бакалавров. М. : Проспект, 2023. С. 49–50.

Сущность *теории внешнего насилия* можно кратко выразить в следующем тезисе: государственная власть первоначально есть власть победителей над побежденными, навязанная обществу извне путем насилия и сохранившаяся в нем по причине ее выгоды для всех членов общества, а впоследствии и по причине формирования традиции. Взяв на вооружение историю, теория насилия завоевала расположение многих исследователей: в науке единогласно признается, что насилие одной группы над другой во многих случаях приводило как минимум к ускорению процесса политогенеза. Это положение интересно также тем, что появление государства обосновывается «столкновением» общества с другими обществами. Тем не менее современная историческая наука дает также основание отказаться от прямого понимания насилия как основного фактора государствообразования: существует масса государств, образовавшихся без видимого внешнего насилия. В тех же случаях, когда государство действительно «создается» насилием, противостоят чаще всего уже сформировавшиеся государства, а не догосударственные общества. Иными словами, многие государства, образовавшиеся путем насилия, не первичны, но вторичны.

С логической точки зрения завоеватель не может быть неразвит уже в силу того, что он завоеватель, власти которого достаточно, чтобы насилием создать государство. Он развит, поскольку может дать обществу нечто большее, чем «голое насилие», — «побудительный призыв, общее дело, предложенное разобщенным»²⁷. Я. М. Магазинер пишет: «По верному замечанию Н. И. Зиберга, повторяющего, впрочем, Энгельса, “учреждение частной собственности уже должно существовать, прежде нежели разбойник может присвоить себе чужое имущество, и... таким образом, сила хотя и изменяет положение владения, но не в

состоянии создать частную собственность как таковую”. Так же точно насилие само по себе не в состоянии создать государственную власть, а, напротив, оно пользуется наличным социальным и психическим аппаратом властвования и только перемещает его из рук в руки»²⁸. По всей видимости, внешнее насилие является одним из катализаторов, способствующих образованию государства и права в определенной подготовленной протогосударственной среде. Вне такой среды оно не способно самостоятельно образовывать государство²⁹. Вокруг неоспоримого исторического ядра — роли насилия в образовании государства — увы, также находятся научные мифы: абсолютизация насилия не позволяет рассмотреть картину политогенеза во всей ее исторической целостности.

Теория внутреннего насилия Е. Дюринга отдельна и более абстрактна, поскольку связывает развитие государства с насилием одной социальной группы над другой. Рассматривать ее подробно вряд ли необходимо для наших целей, поскольку к ней, в принципе, применимы многие вышеизложенные замечания: для того, чтобы одна часть общества могла самопроизвольно отделиться и взять контроль над другой частью, должны существовать объективные предпосылки.

1.7. Классовая теория происхождения государства

Многие идеи классовой теории (в том числе идея разделения труда) зародились в рамках экономической теории, появившейся во времена Платона и развитой Сен-Симоном и многими другими исследователями. Классовая теория К. Маркса и Ф. Энгельса фундаментальна, поскольку преобразовала эти идеи в соответствии с диалектическим методом Г. В. Ф. Гегеля. По мнению Я. М. Магазинера, в первую очередь важна сама специфика постановки вопроса классовой теорией: «Какие новые потребности

²⁷ Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч. С. 129.

²⁸ Магазинер Я. М. Указ. соч. С. 24.

²⁹ Следует заметить, что насильственное завоевание всегда мотивировано, т.е. оно есть следствие некоторых психических процессов, чаще всего вызванных экономическими факторами, обусловленными, в свою очередь, условиями существования обществ. Соответственно, для завоеванного общества акт завоевания будет выступать внешним катализатором политогенеза.

догосударственного общения создали необходимость в государстве? Какова была та историческая необходимость, которая сломала родовую или племенную организацию общества и направила социальное развитие в сторону новой общественной формы, государственной?» Я. М. Магазинер также утверждает, что классовая теория исключает политогенетический плюрализм П. Сорокина, Г. Еллинека, считавших, что государство возникает «случайно» («...обязательно должны были быть некоторые принципиально общие условия, чтобы даже в самой своеобразной среде возник этот однохарактерный по существу своему институт...»)³⁰, и, самое важное, представляет политогенез не как «скачок», который можно точно датировать, но как длительный исторический процесс.

Согласно классовой теории, этот процесс — естественно-исторический, не навязанный извне процесс постепенного отмирания институтов и общественных отношений родо-племенного строя (где не существовало особой публичной власти, неразрывно связанной с аппаратом принуждения) и одновременного возникновения институтов и общественных отношений нового, государственного строя. Двигателем этого процесса является экономическое развитие общества. Разделение труда, появление прибавочного продукта, начало обмена, появление людей, занимающихся исключительно обменом, и т.п. дробит общество на антагонистические общественные классы, а государство и право возникают, по словам В. И. Ленина, чтобы стать «машиной для поддержания господства одного класса над другим»³¹. Ф. Энгельс писал: «Так как родовой строй не мог оказывать эксплуатируемому народу никакой помощи, то оставалось

рассчитывать только на возникающее государство»³². Итак, господствующий класс и эксплуатируемый класс находятся в нескончаемых противоречиях, движение которых регулируется с помощью государства и права. Разрешаясь, эти противоречия способствуют прогрессу, заключающемуся в переходе от одной общественно-экономической формации к другой.

Классовая теория создавалась более 150 лет назад, в те времена, когда многие ныне известные исторические факты были недоступны для анализа. Но и сама по себе опирается она, по меткому замечанию профессора С. И. Нагих, «скорее на концептуально заданную теоретическую схему, чем на реальные исторические факты», «что порождает наряду с размытостью определений ключевых теоретических постулатов истмата [исторического материализма] известную вариативность концепций происхождения государственности»³³. Разногласия в понимании трудов классиков марксизма (в особенности труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства») породили в рамках классовой теории несколько различных мнений по вопросу возникновения государства³⁴. Тем не менее в виде «теоретической схемы» классовая теория, вне всякого сомнения, является одной из самых логически последовательных, развитых и стройных концепций политогенеза, не теряющей актуальности. Она находит подтверждение в бесчисленном множестве исторических фактов и документов, она подтверждается и в Новое время на практике; основанная на «перевернутой» диалектике, она стала в свое время поистине научным прорывом, навсегда изменившим наши знания о государстве и его институтах. Тем

³⁰ Магазинер Я. М. Указ. соч. С. 28.

³¹ См.: Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. М.: Прогресс, 1982.

³² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: АСТ, 2019. С. 180.

³³ Нагих С. И. О различных вариантах происхождения государства и права в марксистской (классовой) теории происхождения государства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 2.

³⁴ Более того, у Ф. Энгельса в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» некоторые авторы отмечали и вовсе отсутствие прямого указания на сам факт зарождения государства, что приводило к разногласиям в научной среде. См.: Нагих С. И. О различных вариантах происхождения государства и права в марксистской (классовой) теории происхождения государства.

не менее очевидно, что классовая теория чрезмерно абсолютизирует экономический фактор государствообразования. Последовательное, но неполное рассмотрение политогенеза как объективного исторического процесса не могло не навести исследователей на мысль об объединении несколько односторонней классовой теории с другими теориями политогенеза. Изменения в длительный химический процесс может внести катализатор; наиболее ярким примером катализатора общественных отношений является завоевание (насилие).

Несмотря на то что Я. М. Магазинер критиковал опрометчивое смешение теории насилия и классовой теории, «так как момент произвола, которым проникнуты теории насилия, глубоко противоречит моменту закономерности, из которого исходит исторический материализм...», всё же обоснованным представляется «наложение» на классовую теорию теории насилия в ранее описанном нами понимании «катализатора»³⁵. По поводу правомерности интеграции теории насилия и классовой теории очень точно выразился современный историк Е. Ю. Спицын: «Ф. Энгельс в своем знаменитом трактате “О происхождении семьи, частной собственности и государства” (1884), говоря о трех возможных путях его возникновения — греческом, римском и германском, признавал, что в реальной исторической практике “мнимое” государство зачастую возникало как симбиоз внутренних и внешних факторов, а завоевание было одной из главных причин этого процесса. Но именно этого важного нюанса, на который впервые обратил внимание профессор А. Г. Кузьмин, и не уловили многие советские историки-марксисты, которые предельно догматизировали два известных марксистских постулата о том, что: 1) государство есть результат внутреннего развития и не может быть навязано извне, и 2) государство возникает в результате образования классов и представляет собой только аппарат насилия правящего класса над другими»³⁶.

С точки зрения современности очевидна также связь классовой теории с психологической теорией происхождения государства, поскольку они представляют развитие общества аналогично в виде объективного процесса, но рассматривают качественно разные его стороны, как если бы одну и ту же движущуюся трехмерную фигуру запечатлели в разных двумерных проекциях. Экономика, являясь основным двигателем развития общества, не может существовать без общества, человека, без его (противоборствующих) интересов, без его мысли, а мысль, в свою очередь, развивается в материальном мире согласно определенным законам действительности. Данное замечание нуждается в дальнейшем рассмотрении. При правильном подходе к классификации и интеграции различных, созданных в разные эпохи разными учеными теорий политогенеза можно победить главный концептуальный недостаток всех учений о происхождении государства — абсолютизацию.

2. Необходимость интеграции теорий происхождения государства

Нами были тезисно рассмотрены классические, наиболее влиятельные в науке теории происхождения государства. Каждая из них в течение длительного времени возводилась учеными в ранг универсальной концепции, способной описать все стороны многогранного процесса политогенеза. Тем не менее в ходе краткого критического анализа нам удалось выявить, что, во-первых, все рассмотренные теории содержат некоторое количество недостоверных, мифологизированных элементов (в основном они проявляются в виде абсолютизации) и, во-вторых, по причине однородности предмета теорий политогенеза эти мифологизированные элементы можно отделить от самой теории с целью последующей интеграции оставшегося достоверного материала с иными достоверными фактами.

³⁵ Магазинер Я. М. Указ. соч. С. 24.

³⁶ Спицын Е. Ю. Древняя и средневековая Русь, IX–XVII вв. : полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. М. : Концептуал, 2019. Кн. I. С. 20.

Недостовверные элементы появились в строгих и обоснованных теориях по нескольким причинам. В первую очередь потому, что все рассмотренные нами теории — плоды науки своего времени. Ученые, авторы теорий политогенеза, исходили из фактов своего времени, которыми располагала современная им наука; они ставили перед собой цели своего времени, опирались на опыт своего времени. Например, органическая теория создавалась во времена расцвета естествознания; мысль о процессе политогенеза никогда не приняла бы форму органической теории (или не прижилась бы, оставшись лишь сравнением на страницах книг нескольких десятков ученых разных столетий) без совокупности окружающих эту мысль научных и социально-исторических условий. Об этой особенности научного развития писал еще Г. В. Ф. Гегель: «Что уж касается отдельных людей, то уж, конечно, каждый из них сын своего времени; и философия есть также время, постигнутое в мысли. Столь же нелепо предполагать, что какая-либо философия может выйти за пределы современного ей мира, сколь нелепо предполагать, что индивид способен перепрыгнуть через свою эпоху, перепрыгнуть через Родос...»³⁷. Кроме исторического фактора, существует не менее важный психологический фактор; все великие люди суть люди, а одним из главных свойств человеческой деятельности является имманентность ошибки. Не бывает полностью непредвзятой, полностью безошибочной концепции, даже если приходится иметь дело с поистине гениальным автором; сущность науки заключается, собственно, не в безошибочности, но в постепенном, последовательном развитии и исправлении неточностей. Наконец, важно помнить и о самом известном факторе, который практически всегда упоминается в современной научной литературе: древность туманна, наука не может (и тем более не могла раньше) однозначно установить ход событий прошлого, чтобы отталкиваться от этого прочного базиса. Пробелы в знаниях о прошлом порождают «необходимость» в их заполнении научным мифом.

В большинстве случаев современный исследователь примиряется с недостовверным элементом теорий происхождения государства, де-факто завершая научную работу (иногда очень содержательную) лишь указанием на невозможность описания многогранного процесса государствообразования с помощью одной теории и на необходимость абстрактной «интеграции». Принципы и методы этой интеграции, казалось бы являющейся базисом одного из самых актуальных вопросов современной теории государства и права, нечасто рассматриваются подробно, несмотря на то что научное знание проделало за последние годы значительный теоретический путь и способно предоставить исследователю существенное количество новых достоверных фактов; зачастую «интеграция» не идет дальше классификации факторов политогенеза. Мы, в свою очередь, полагаем, что, принимая во внимание уровень науки XXI в., можно и должно выработать новый, системный подход к вопросу происхождения государства, основанный на переосмыслении и последовательном и упорядоченном объединении тщательно отобранных достоверных элементов существующих теорий политогенеза. Для успешного достижения поставленной задачи необходимо в первую очередь предпринять попытку практико-ориентированной классификации теорий происхождения государства.

3. Классификация теорий происхождения государства

Вне всякого сомнения, целью качественного переосмысления подходов к образованию первичного государства должно быть создание наиболее универсальной, полной и последовательной концепции, соответствующей уровню современного научного знания. Данный факт будет точкой отсчета для нижеследующей классификации.

Если исключить из теорий политогенеза мифологический элемент (попытка осуществить это для классических теорий была предпринята

³⁷ Гегель Г. В. Ф. Философия права. С. 55.

в первой части настоящего исследования), становится очевидным, что в своей достоверной части каждая из них описывает процесс политогенеза лишь фрагментарно. Некоторые демифологизированные теории могут описать лишь роль определенного, ограниченного во времени процесса в общественном развитии (например, теория внешнего насилия), некоторые, напротив, отражают процесс исторического развития полноценно во временном отношении, но описывают лишь некоторую часть задействованных в нем сил (например, психологическая теория) и/или отражают этот процесс только для некоторых видов обществ, локально, что с точки зрения стремления к универсальной теории является недостатком и зачастую порождает на практике коллизию общего и частного (например, ирригационная теория). Вполне обычным явлением представляется присутствие в одной теории нескольких таких недочетов: ирригационная теория верно характеризует процессы, ограниченные не только в пространстве, но и во времени. Иными словами, каждая теория достоверно описывает лишь определенную часть общественных отношений политического развития общества во времени, в пространстве и в совокупности действующих социальных сил этого развития; именно это наблюдение может стать основой для начала классификации, ориентированной на систематизацию всех достоверных знаний о процессе появления государства.

Назовем *идеальными* те теории, которые выделяют и изучают преимущественно психологические, личностные, разумные социальные отношения данного общества в процессе формирования государства, то есть выражают разумную сущность общества в этом процессе.

Безусловно, к идеальным теориям в первую очередь относится психологическая теория, поскольку ее сущностью является указание на роль психической жизни человека в многостороннем процессе формирования государства; главный ее недостаток — абсолютизация этого фактора. К идеальным теориям можно также отнести патриархальную теорию: она справедливо указывает на роль семейно-властных отношений в образовании отношений государственно-властных³⁸. Теория общественного договора (в тех случаях, когда общественный договор действительно существует) также может считаться идеальной теорией, поскольку в большинстве случаев акцент в ней делается именно на соглашении людей как выражении их воли.

Теории, фокусирующиеся, напротив, на материальном, объективном факторе, на вызове, данном духу материей в процессе политогенеза у данного общества, мы назовем *материальными*. Наиболее полно и последовательно процесс поэтапного развития общества посредством столкновения с материальными вызовами описывает, разумеется, классовая теория³⁹. Представляется важным напомнить о том, что общество, сталкивающееся с материальными вызовами, движимо всё же своей психической энергией, своим разумным *physis*, описанным психологической теорией (с наличием в обществе подобного потенциала к развитию соглашались в целом и классики марксизма, однако он не был предметом их изучения). Классовая теория в некотором смысле включает в себя теорию внешнего насилия⁴⁰.

Мы можем видеть, что разумный фактор и материальный фактор неотделимы друг от друга и представляют собой, если можно так выра-

³⁸ Так как семейно-властные отношения — часть психической жизни человека, мы можем условно считать патриархальную теорию частью психологической. Более подробное рассмотрение этой связи выходит за рамки настоящего исследования.

³⁹ Подчеркнуть материальное начало классовой теории относительно происхождения государства поможет понимание того факта, что, так или иначе, в начале зарождения экономических противоречий лежит известный принцип ограниченности ресурсов и неравномерного их распределения. Однако в настоящем исследовании мы не будем подробно рассматривать данный вопрос.

⁴⁰ Внешнее насилие может быть вызвано психологическими причинами, но они не имеют отношения к данному обществу, потому мы рассматриваем внешнее насилие именно как внешний материальный фактор.

зиться, диалектическое единство. Невозможно представить обособленное от материальных факторов историческое развитие политических отношений, но точно так же невозможно представить его без личности и ее разума. К рассмотрению данного вопроса мы вернемся немного позднее.

И в идеальных, и в материальных теориях можно встретить описание факторов различного вида: в одних случаях теория рассматривает в качестве основной движущей силы возникновения государства какую-либо постоянную, имманентную обществу и окружающему миру причину; в иных случаях основной причиной происхождения государства выступает нечто ограниченное во времени, приводящее к одномоментному (или почти одномоментному) появлению государственно-властных отношений. Первые теории мы назовем *перманентными* теориями, а вторые — *каталитическими*. Перманентными теориями являются прежде всего такие теории, как психологическая и классовая. Они не ограничиваются конкретным событием, но рассматривают образование государственных институтов как последовательный, длительный и сложный объективный исторический процесс развития. К перманентным теориям можно отнести также всякую теорию, рассматривающую в качестве основного фактора географические, природно-климатические условия или иные непреходящие материальные или социально-психологические особенности развития общества. Ярким примером каталитической теории является теория внешнего насилия.

Далее, история показывает, что процесс формирования государств в разных частях земного шара может существенно различаться. Фридрих Энгельс выделял несколько типов развития государств, но сегодня этого явно недостаточно. Назовем *глобальной* такую теорию, которая описывает общие факторы, присущие всем процессам политогенеза без исключения. Назовем *локальной* такую теорию, которая, напротив, описывает факторы, присущие процессу форми-

рования лишь отдельных государств. Очевидно, что психический мир людей в нашем контексте присутствует во всех мировых процессах политогенеза. Соответственно, психологическую теорию можно отнести к группе глобальных теорий⁴¹. Точно так же дело обстоит и с классовой теорией, по своей сути материальной. Именно по причине своей глобальности даже в демифологизированном виде указанные теории становятся фундаментом для построения комплексной теории политогенеза.

4. Формирование теоретической основы метатеории политогенеза

Противоречие между перманентными материальными и перманентными идеальными глобальными теориями (классовая и психологическая) в их исходной форме снимается путем их демифологизации и объединения. В основе данного объединения лежит понимание того факта, что эти теории (разумеется, уже после исключения мифологического элемента) описывают лишь разные двумерные «проекции» одного и того же многогранного процесса. Поскольку рассматриваемые концепции содержат наиболее полное отражение глобальных и перманентных законов государствообразования, данное противоречие имеет ключевое значение для понимания общей картины происхождения государства и может стать прочным фундаментом для дальнейшей системной интеграции, предполагающей впоследствии и интеграцию частных (локальных) элементов.

Таким образом, отправной точкой для объединения достоверных данных становится тот факт, что с точки зрения современного исследователя наиболее полно описать весь процесс возникновения государства возможно лишь путем совокупного изучения идеальной (сознательно-волевой) и материальной сферы политического развития общества, духа и материи, т.е. пользуясь вышеупомянутым высказыванием

⁴¹ Многие исследователи, рассматривая теории происхождения государства, указывали, что конкретная теория применима только локально, однако системное деление как таковое на локальные и глобальные теории в литературе употребляется достаточно редко.

Э. Берна, изучением и «столкновением» того, что происходит внутри черепа с тем, что происходит вне черепа.

Важно сразу упомянуть, что описываемая интеграция вовсе не является эклектическим *mixtum compositum*, не является «двоемыслием»; она предполагает лишь объединение отдельных достоверных частей нескольких теорий таким способом, чтобы недостоверный пробел одной концепции заполнялся достоверными фактами другой. В самом начале «Феноменологии духа» Г. В. Ф. Гегель писал: «Общее мнение не столько понимает различие философских систем как прогрессирующее развитие истины, сколько усматривает в различии только противоречие... <...> Постигающее сознание сплошь и рядом не умеет освободить его от односторонности или сохранить его свободным от последней и признать взаимно необходимые моменты в том, что кажется борющимся и противоречащим себе»⁴². Причина данного явления, на наш взгляд, психологическая: человеку неприятна всякая неопределенность, а особенной неопределенностью выступает взаимодействие двух внешне противоречащих концепций. Мы же считаем, что без попыток объединения и переосмысления лучших идей прошлого, без попыток разрешить накопившиеся противоречия на качественно новом уровне, определяемом современным развитием знания, невозможно уверенное движение вперед в сложных и туманных вопросах, поставленных наукой нашего времени, таких как происхождение государства.

Продолжая интеграцию, включим в образующую систему каталитические и локальные теории. Рассмотрим это объединение на ярком примере теории внешнего насилия. К совокуп-

ности представлений о перманентной психической и материальной составляющей процесса происхождения государства мы добавляем представление о некотором ограниченном во времени и пространстве факторе, который может в некоторых государствах при определенных условиях катализировать или ингибировать постоянный процесс государствообразования, в нашем случае — представление о внешнем завоевании и о его влиянии на общественные отношения (уже достаточно развитые). Аналогичное простое объединение возможно производить с любыми сходными теориями, например с ирригационной, которая в принципе применима только для конкретного пространства и времени⁴³. Итак, к общему пониманию основополагающих законов политогенеза мы присоединяем понимание отдельных, частных его элементов во времени и пространстве.

Сходным образом интегрируются достоверные положения из всех теорий, описанных или не описанных в настоящей работе; теории, являющиеся описательными или практически не содержащие достоверного элемента, также могут включаться в систему, однако лишь в своих «описательных» рамках, исключительно для удобства комплексного восприятия процесса происхождения государства.

Важно обозначить также последовательность действий при возникновении противоречий между достоверными фактами интегрированных теорий; в такой ситуации необходимо описать данное объективное противоречие в качестве отдельного элемента — дискуссионного вопроса, не отвергая ни одну из рассматриваемых гипотез и ожидая момента, когда вопрос можно будет закрыть, т.е. когда новые

⁴² Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа : пер. с нем. М. : АСТ, 2021. С. 7.

⁴³ Более того, можно заметить, что ирригация частично интегрируется в классовую теорию уже в «Капитале» К. Маркса: «Тайна хозяйственного расцвета Испании и Сицилии при господстве арабов заключалась в ирригации. Благоприятные естественные условия создают лишь возможность прибавочного труда...» и т.д. (Маркс К. Капитал. Критика политической экономии / предисл. Ф. Энгельса ; пер. с нем. И. И. Скворцова-Степанова. М. : Политиздат, 1973. Т. 1. С. 522–523). Там же цитируется Ж. Кювье: «Необходимость вычислять периоды подъема и спада воды в Ниле создала египетскую астрономию, а вместе с тем господство касты жрецов как руководителей земледелия» (Cuvier G. Discours sur les revolutions de la surface du globe / ed. Hoefer. Paris, 1863. P. 141). Карл Август Виттфогель намного позже основательно развил и расширил указанные идеи.

знания позволят однозначно решить возникшее затруднение. Новые факты добавляются в интегрированную концепцию по мере развития научного знания; каждый новый факт включается в нее, становясь на свое место соответственно раскрытому фрагменту общественно-политических отношений.

Для успешного расширения и применения вышеизложенного необходимо зафиксировать переход на новый уровень рассмотрения фактов. Назовем получающуюся концепцию метатеорией политогенеза.

Метатеорию политогенеза должно понимать не как статичный набор собранных вместе фактов, но как универсальный научный метод демифологизации, деабсолютизации и системной группировки знаний о политогенезе с целью их объективизации, разрешения противоречий в них, а также с целью консолидации и упорядочивания научных усилий по получению и систематизации новых знаний о происхождении государства. Из нашего описания можно заключить, что метатеория как метод обладает тремя важными свойствами: универсальностью, системностью и динамичностью.

Универсальность есть основная отличительная особенность метатеории политогенеза, предполагающая направленность научной деятельности на целостный подход к исследуемой проблеме, рассмотрение всего многообразия граней исследуемого процесса в совокупности, в неразрывном единстве, на отсутствие какой-либо необоснованной мифологической абсолютизации отдельных, частных предметов в общем предмете исследования. Метатеория ставит своей задачей научное отражение всех достоверных фактов, гипотез, представлений, содержащихся во всех теориях происхождения государства с точки зрения их единства относительно исследуемого вопроса (с учетом необходимости сохранения индивидуальности в рамках отдельного, обособленного развития конкретной теории с ее собственными уникальными методами).

Важно уточнить особенность настоящего исследования, связанную с выборочным рассмотрением теорий происхождения государства. Вероятно, на первый взгляд может показаться, что для формирования универсальной совокуп-

ности фактов в виде метатеории необходимо подробное рассмотрение всех без исключения данных, относящихся к государствообразованию. Это утверждение было бы абсолютно справедливым, если бы настоящее исследование полагало в качестве цели формирование полноценной исторической интерпретации метатеории; в этом случае отсутствие подробного рассмотрения даже одного факта действительно категорически недопустимо, поскольку противоречит принципу универсальности. Однако цель настоящего исследования состоит в первую очередь в нахождении системного *метода* демифологизации теорий политогенеза, деабсолютизации факторов, указанных в этих теориях, интеграции верифицируемых фактов, их динамического рассмотрения. Таким образом, демифологизированные классические теории выступают базисом теоретической основы метатеории как метода; в данный момент их критика не направлена на формирование полной исторической картины государствообразования. Более того, даже как совокупность фактов, формируемая нами метатеория, по существу, динамична, что придает процессу ее формирования относительно большую свободу.

Системность метатеории выражается в том, что демифологизированные теории занимают свое место в ней строго соответственно описываемой ими части общественных отношений происхождения государства. Всё многообразие фактов, гипотез, концепций, входящих в состав метатеории, рассматривается исключительно в качестве системы, компоненты которой взаимодействуют между собой в непрерывном процессе научного познания. Описанное выше деление теорий происхождения государства на группы есть основа для их систематизации в рамках метатеории. Системный подход особенно важен, поскольку он в некотором смысле упрощает научно-исследовательскую деятельность и консолидирует ее. Консолидированность — обычное преимущество любого интеграционного подхода в науке, однако в формируемой метатеории политогенеза она выражена особенно ярко по причине обоснованного сосуществования в ней на первый взгляд совершенно несовместимых научных школ.

Поскольку метатеория политогенеза в силу своей природы должна развиваться вместе с научным знанием, совершенно необходимым представляется наличие в ее системе особого динамического механизма, предусматривающего постепенное развитие и обновление, т.е. предполагающего динамичность содержания и формы в широком смысле. Динамичность метатеории заключается в первую очередь в том, что каждая область знания о процессе формирования государства, выраженная конкретной теорией или их совокупностью, может изменяться в ходе разрешения реальных фактических противоречий; т.е. любое положение и любая концепция могут быть в процессе научного познания дополнены (включение новых фактов наравне со старыми) и/или замещены (исключение новыми, достоверными фактами старых, признанных недостоверными). Таким образом, метатеория резко отличается от простого системного объединения теорий политогенеза своей способностью к обновлению, выражающемуся в снятии противоречий и последующем отрицании недостоверных фактов. Этот процесс, соответствующий развитию науки, позволяет сохранять метатеоретический подход к исследуемой области знания столько, сколько необходимо. Важно отметить, что изменяться могут не только факты в составе метатеории, но и сам ее метод, поскольку он с течением времени также неизбежно будет устаревать.

С практической точки зрения метатеория политогенеза обладает «теми же преимуществами перед своими предшественниками, как арабская цифровая система перед римской, и по той же самой причине: с такими элементами легче работать. Представьте себе римского строителя, который должен закупить для стройки материалы — MCMLXVIII строительных блоков по LXXXVIII оболгов за каждый. Современный строитель, используя более простые обозначения цифр, быстрее произведет подсчеты, а сэкономленное время использует для обдумывания архитектуры, — без излишних усилий, которые неизбежны у римского строителя»⁴⁴. Мы

полагаем, что тезисно сформированный нами в настоящей работе новый системный подход можно успешно развивать и использовать как методологическую основу при рассмотрении проблемы происхождения государства. Мы также выражаем надежду, что данный подход в связи со своей системностью, универсальностью и динамичностью может быть полезен для восприятия, интерпретации и консолидации фактов, а также для развития научного знания в рассматриваемой фундаментальной области.

5. Вариант интерпретации метатеоретического подхода к государствообразованию

При попытке дать универсальное определение понятию «государство» исследователь неизбежно сталкивается с той же проблемой, с какой сталкивается биолог при попытке детерминировать понятие «жизнь» или врач при попытке определить, когда именно появляется на свет ребенок. Релятивность содержания понятия здесь приобретает настолько явную форму, что становится видимым препятствием, которое можно преодолеть, лишь по необходимости договорившись о том, что такое «государство» или «начало жизни», записав это в законе, договоре, энциклопедии или научной статье.

Происхождение государства есть непрерывный объективный процесс последовательного развития человечества, которое, разумеется, происходит в ходе бесчисленных взаимодействий множества рассмотренных выше факторов⁴⁵. Для того чтобы дать определение государству (а значит, происхождению государства), обычно предпринимаются попытки выделить из этого процесса нечто особенное, переломное, причем это самое «нечто» чрезвычайно непостоянно и, как правило, недолго удерживается в общественном и научном сознании. Таким образом, при наличии известной изобретательности можно назвать государством практически всё что угодно, руководствуясь лишь рамками, поставленными здравым смыслом; так возникают

⁴⁴ Берн Э. Указ. соч. С. 518.

⁴⁵ Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А. Указ. соч. С. 35.

противоречия. Именно это породило ситуацию, описанную Л. А. Морозовой: «Недаром президент США В. Вильсон (1856–1924) признавался в 1889 г., что он “безуспешно пытался найти определение государства”. А французский юрист Ж. Ссель (1878–1961) утверждал, что не существует четкого правового критерия государства, а есть лишь фактические характерные его признаки...»⁴⁶.

Приведем пример для упрощения дальнейшего рассуждения: в настоящее время критерием государственности чаще всего называют наличие властного принуждения (у К. Маркса оно имеет классовую сущность). Однако на самом деле властное принуждение существовало всегда, оно лишь выражалось в разной форме. По какой причине именно смена одной формы принуждения другой должна создавать государство? Кто и когда абсолютно определил, что смена формы властного принуждения в обществе и есть искомая «точка бифуркации»? Х. Ортега-и-Гассет писал об этом: «Форма социального принуждения, каким является власть, есть в любом обществе, включая самые примитивные, где нет еще специальных институтов такого принуждения. Если подобный, специально выделенный институт именовать государством, можно сказать, что в иных обществах нет государственной власти, но говорить, что там нет власти вообще, нельзя. Может ли не быть ее там, где есть общественное мнение, если власть — всего лишь оружие, им заряженное?»⁴⁷.

Можно предполагать, что государство появляется тогда, когда политическая власть закрепляется письменно. Однако разница между устным и письменным закреплением не настолько значима; с точки зрения отношений между людьми она заключается лишь в форме существования информации. В лучшем случае письменное закрепление власти позволяет утверждать, что общественная система уже точно движется по государственному пути развития, но когда же начался этот путь? Таким

образом, мы приходим к выводу, что понятие «государство», а значит, и момент происхождения государства, — вещи весьма условные и субъективные.

Попытаемся с целью прояснения рассматриваемого понятия исследовать весь процесс происхождения первичного государства несколько подробнее, с использованием методов метатеории политогенеза. Необходимо заранее указать, что нижеследующая интерпретация является лишь первичной иллюстрацией комплексного метатеоретического подхода к происхождению государства. Данная иллюстрация призвана лишь наглядно продемонстрировать взаимодействие различных описанных выше теорий происхождения государства в динамике; ее ни в коем случае не следует воспринимать как законченный вариант метатеории.

Общественное развитие человечества началось с момента появления общества, то есть с момента первого взаимодействия людей, с момента первого шага Адама и Евы на Землю. Общество постепенно экстенсивно растет, будучи при этом движимо силой развивающейся человеческой души, преодолевающей материальные ограничения своего существования и стремящейся к достижению некоторой социальной упорядоченности, некоторого социального равновесия.

Вместе с социумом растет масштаб властных взаимодействий, происходит последовательное укрепление первичной социальной стратификации и иерархии. На данном этапе развития, несмотря на то что среди людей уже есть неравенство, первобытное единое общество не может всё же самоопределиваться как государство, поскольку для того, чтобы мыслить себя на новом уровне, ему не достаточно, пользуясь выражением К. Маркса, фихтеанского «я есть я»; единственным на данный момент методом самоопределения для общества является его «обособление от земли, от “природы”, от геоботанического космоса»⁴⁸, но это предпосылка

⁴⁶ Морозова Л. А. Теория государства и права. Повторительный курс в вопросах и ответах. М. : Норма, 2003. С. 27.

⁴⁷ Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч. С. 161.

⁴⁸ Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч. С. 119.

лишь для появления гомогенного стратифицированного социума, не имеющего никакого представления о полноценных политических отношениях. Соответственно, рано или поздно, говоря *in abstracto*, должен был наступить момент, когда единое человечество вследствие своего экстенсивного развития разделилось и обе образовавшиеся противоречащие протогосударственные группы диалектически восприняли, «признали» друг друга (это могут быть всего лишь два рода, два племени).

Это разделение могло быть территориальным, имущественным, смешанным или же вызванным множеством иных материальных и психологических катализаторов, которые требуют подробного и конкретного исторического изучения, не входящего в рамки настоящей иллюстрации; для наших целей важен тот факт, что первоначальное (пусть и неоднородное) общество впервые истинно разделилось, нарушив прежнюю общность существования, достигнув, говоря условно, «точки бифуркации», от которой оно могло двинуться либо к появлению государства как качественно новой формы своего существования, либо к дальнейшему разделению.

В тот момент, когда два разделенных общества воспринимают друг друга, в человеческом обществе происходит особый процесс, аналогичный выделению клетки в субстрате: возникает некоторая самоопределенность, психологическая, экзистенциальная и политическая граница, следствием чего и является появление в среднем общественном сознании некоторого особого понятия, описывающего новые общественные взаимоотношения. Это абстрактное понятие и было первоначальной версией понятия «государство». В получившихся первичных протогосударствах (они могут существовать в разной форме) отныне начинают с большей определенностью протекать те внутренние процессы, которые мы называем последовательной сменой социально-экономических формаций, точно так же, как в клетке после деления начинают активно протекать разнообразные жизненные процессы.

Более того, поскольку человек стал субъектом новых общественных отношений, близких к политическим, его психика также перешла на качественно иной уровень, предполагающий восприятие более сложных взаимодействий. Внутригосударственные процессы разного рода могут в дальнейшем также катализироваться или ингибироваться некоторыми локально определенными условиями: территориальными особенностями, необходимостью ирригационных работ, изобретением спорта, завоеванием и пр.

Развитие государств на данном этапе начато, но получившаяся система всё еще неустойчива и требует закрепления, в том числе закрепления развивающихся классовых и психологических противоречий. У живой клетки наследственная информация передается молекулой ДНК, у живого государства — правом, культурой, письменностью, говоря обобщенно — книгой. Многие формы культуры будто бы вызывают к смотрящему: «Мы!»⁴⁹. В этом закреплении, собственно, и заключается функция настоящего «общественного договора», первичной правовой нормы. Когда из общественного сознания понятие «государство» переносится на бумагу — вечный носитель и передатчик социальной информации, — тогда государство закреплено окончательно; система общества отныне может *ceteris paribus* идти только к одному маяку, к одному «аттрактору».

Государства продолжают свое локально определенное развитие, в совокупности постепенно приобретая особую форму, условно говоря, аутопоэтической системы, в которой продолжают появляться и развиваться вторичные государства.

Таким образом, мы видим три основных принципа первичного политогенеза: принцип флага (диалектическое самоопределение, «отделение клетки от субстрата»), принцип короны (общественное (классовое и психологическое) развитие внутри общества и государства, «внутриклеточные процессы»), принцип книги (культура, граница, флаг, право, «генетическая информация»)⁵⁰.

⁴⁹ Интересную иллюстрацию описываемого нами положения дают законы вавилонского царя Хаммурапи.

⁵⁰ Главное преимущество органической теории — системность, которую иногда возможно в рамках мета-теории успешно применять в различных аналогиях.

Итак, государство появляется тогда, когда общество разделяется, когда среднее общественное сознание вследствие этого разделения начинает самоопределяться относительно других структурированных обществ, воспринимать свое окружение как коллективного субъекта в качественно новом виде отношений. Иными словами, государство появляется тогда, когда в среднем общественном сознании по необходимости формируется первичное понятие «государство», представляющее собой качественно новую ступень последовательного объективного общественного развития человечества на Земле. Перефразируем еще раз: государство для каждого конкретного общества появляется тогда, когда среднее общественное сознание начинает понимать, что существует другое, обособленное общество, с которым нужно вступать в новое высокоуровневое взаимодействие. Далее, государство постепенно закрепляется и развивается, приобретая свою окончательную форму. Остальные признаки государства, описанные в литературе, также имеют существенное значение, но это значение в большей степени прикладное, поскольку описывает важнейший процесс — приобретение государством своего привычного вида.

Данная выше иллюстрация процесса политогенеза лишена всей необходимой для полноценной теории конкретизации и является лишь предварительным, гипотетическим выражением одного из вариантов (!) нового метаподхода к происхождению государства с использованием концепции и методов метатеории политогенеза. Тем не менее мы выражаем надежду, что данное описание всё же окажет некоторую помощь познавательной деятельности в отношении исследуемого нами вопроса указанием на роль различных факторов в процессе государствообразования.

Хотелось бы еще раз отметить, что метатеория есть способ системной интеграции, но не эклектического смешивания. Соответственно, метатеория оперирует только теми причинами,

которые в данном случае необходимы и в рамках развития науки были рационально выделены и приведены в необходимую форму. Ведь «если считать причинами всё, без чего нельзя сделать того-то [без чего не появится на свет новое государство], — названо их слишком мало. Пусть тогда причислят к причинам и время: без времени ничто не будет сделано. Пусть причислят и место: ведь если делать негде, то и невозможно делать...»⁵¹. Иными словами, метатеория политогенеза может быть инструментом познания процесса политогенеза как абстрактно, так и более конкретно, в зависимости от необходимости; она не предполагает перечисления всех известных достоверных фактов.

Заключение

Концепция метатеории выступает научной альтернативой несистематизированной интеграции государственно-правовых доктрин происхождения государства; это попытка движения в сторону их методологической и структурной консолидации. Историческая действительность, на наш взгляд, требует такой консолидации в рамках многих гуманитарных наук; человечеству на данном сложном этапе необходим несколько обновленный подход к знанию, предполагающий как более строгую научную выборку достоверных фактов в условиях перманентного информационного шума, так и консолидированное рассмотрение этих фактов, не допускающее необоснованной абсолютизации, неконструктивного «расслоения» аспектов проблемы, а также других неточностей. Применение метатеоретического подхода в теории государства и права представляется особенно важным, поскольку с его помощью данная наука сможет с еще большим успехом послужить прояснению сущности государственно-политических отношений как с исторической точки зрения, так и с точки зрения современности.

⁵¹ Сенека Луций Анней. Указ. соч. С. 182.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры : пер. с англ. — М. : Эксмо, 2008. — 576 с.
2. Вострокнутов В. А. О мифологическом элементе концепций происхождения государства и права // Право и образование. — 2014. — № 7. — С. 167–172.
3. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа : пер. с нем. — М. : АСТ, 2021. — 750 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия права : пер. с нем. / ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсисянц. — М. : Мысль, 1990. — 524 с.
5. Гоббс Т. Левиафан. — М. : Мысль, 2001. — 478 с.
6. Жуков В. Н. Общество как источник государства и права // Право и государство: теория и практика. — 2019. — № 10. — С. 31–34.
7. Кашанина Т. В. Происхождение государства и права : учеб. пособие — 4-е изд., перераб. и доп.: — М. : Проспект, 2022. — 304 с.
8. Лебон Г. Психология народов и масс: пер. с фр. — М. : АСТ, 2016. — 340 с.
9. Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. — М. : Прогресс, 1982. — 45 с.
10. Локк Дж. Два трактата о правлении. — М. : Социум, 2019. — 420 с.
11. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». — М. : Мысль, 2001. — 559 с.
12. Магазинер Я. М. Избранные труды по общей теории права. — СПб. : Юридический центр, 2006. — 206 с.
13. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии : пер. с нем. / предисл. Ф. Энгельса. Т. 1. — М. : Политиздат, 1973. — 907 с.
14. Морозова Л. А. Теория государства и права. Повторительный курс в вопросах и ответах. — М. : Норма, 2003. — 300 с.
15. Нагих С. И. О различных вариантах происхождения государства и права в марксистской (классовой) теории происхождения государства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2017. — № 2. — С. 71–75.
16. Нагих С. И. О классификации теорий происхождения государства и права // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. — 2016. — № 9. — С. 68–72.
17. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс : пер. с исп. — М. : АСТ, 2016. — 200 с.
18. Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник для бакалавров. — М. : Проспект, 2023. — 568 с.
19. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию : пер. с лат. — М. : АСТ, 2018. — 680 с.
20. Спицын Е. Ю. Древняя и средневековая Русь, IX–XVII вв. : полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн. I — М. : Концептуал, 2019. — 440 с.
21. Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. — М., 1917. — 227 с.
22. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — М. : АСТ, 2019. — 250 с.
23. Berne E. What Do You Say After You Say Hello: Gain control of your conversations and relationships. — L. : Transworld, 2010. — 512 p.

Материал поступил в редакцию 10 сентября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bern E. Igrы, v kotorye igrayut lyudi. Lyudi, kotorye igrayut v igrы : per. s angl. — M.: Eksmo, 2008. — 576 s.
2. Vostroknutov V. A. O mifologicheskom elemente kontseptsiy proiskhozhdeniya gosudarstva i prava // Pravo i obrazovanie. — 2014. — № 7. — S. 167–172.

3. Gegel G. V. F. Fenomenologiya dukha: per. s nem. — M.: AST, 2021. — 750 s.
4. Gegel G. V. F. Filosofiya prava: per. s nem. / red. i sost. D. A. Kerimov, V. S. Nersesyants. — M.: Mysl, 1990. — 524 s.
5. Gobbs T. Levafan. — M.: Mysl, 2001. — 478 s.
6. Zhukov V. N. Obshchestvo kak istochnik gosudarstva i prava // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2019. — № 10. — S. 31–34.
7. Kashanina T. V. Proiskhozhdenie gosudarstva i prava: ucheb. posobie — 4-e izd., pererab. i dop.: — M.: Prospekt, 2022. — 304 s.
8. Lebon G. Psikhologiya narodov i mass: per. s fr. — M.: AST, 2016. — 340 s.
9. Lenin V. I. O gosudarstve. Lektsiya v Sverdlovskom universitete 11 iyulya 1919 g. — M.: Progress, 1982. — 45 s.
10. Lokk Dzh. Dva traktata o pravlenii. — M.: Sotsium, 2019. — 420 s.
11. Losev A. F. Dialektika mifa. Dopolnenie k «Dialektike mifa». — M.: Mysl, 2001. — 559 s.
12. Magaziner Ya. M. Izbrannyye trudy po obshchey teorii prava. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr, 2006. — 206 s.
13. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii: per. s nem. / predisl. F. Engelsa. T. 1. — M.: Politizdat, 1973. — 907 s.
14. Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava. Povtoritelnyy kurs v voprosakh i otvetakh. — M.: Norma, 2003. — 300 s.
15. Nagikh S. I. O razlichnykh variantakh proiskhozhdeniya gosudarstva i prava v marksistskoy (klassovoy) teorii proiskhozhdeniya gosudarstva // Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie. — 2017. — № 2. — S. 71–75.
16. Nagikh S. I. O klassifikatsii teoriy proiskhozhdeniya gosudarstva i prava // Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. — 2016. — № 9. — S. 68–72.
17. Ortega-i-Gasset Kh. Vosstanie mass: per. s isp. — M.: AST, 2016. — 200 s.
18. Radko T. N., Lazarev V. V., Morozova L. A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnyy dlya bakalavrov. — M.: Prospekt, 2023. — 568 s.
19. Seneka Lutsiy Anney. Nравstvennyye pisma k Lutsiliyu: per. s lat. — M.: AST, 2018. — 680 s.
20. Spitsyn E. Yu. Drevnyaya i srednevekovaya Rus, IX–XVII vv.: polnyy kurs istorii Rossii dlya uchiteley, prepodavateley i studentov. Kn. I — M.: Kontseptual, 2019. — 440 s.
21. Trubetskoy E. N. Lektsii po entsiklopedii prava. — M., 1917. — 227 s.
22. Engels F. Proiskhozhdenie semi, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva. — M.: AST, 2019. — 250 s.
23. Berne E. What Do You Say After You Say Hello: Gain control of your conversations and relationships. — L.: Transworld, 2010. — 512 p.